

УДК 130.2

**Судебный процесс как способ миропонимания
в контексте постнеклассического типа мышления:
эстетические аспекты**

Семенович Александр Владимирович

Аспирант,

Институт искусств и художественного образования,

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,

600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;

e-mail: a_semenovich76@mail.ru

Аннотация

Рассматривается судебный процесс в контексте постнеклассического типа мышления. Определяется актуальность судебного процесса для современности. Обозначается необходимость рассмотрения судебного процесса в качестве разновидности одной из ключевых категорий философского дискурса – процесса. Выявляется наличие в судебном процессе характерных для постнеклассики категорий процессуальности, изменчивости, множественности, вероятности, относительности, игры. Определяется возможность рассмотрения судебного процесса как практики, способствующей упорядочиванию хаоса множественности и изменчивости, характерных для современности. Проводятся аналогии между философскими концепциями М. Фуко, А. Уайтхеда и свойствами судебного процесса. Определяется актуальность рассмотрения судебного процесса как способа миропонимания. В качестве примеров формирования миропонимания через образность судебного процесса приводится роман Ф. Кафки «Процесс», философский метод Л. Шестова, художественная акция П. Павленского, древнеегипетские и христианские религиозные представления. Выявляется наличие в пространстве судебного процесса специфического чувственного эмоционального поля. Участники судебного процесса переживают самые разные ощущения, состояния, создающие определенные образы (метафоры) окружающей действительности, через которые проявляется эстетическое. Обозначается актуальность рассмотрения судебного процесса как эстетической практики. Судебный процесс – это практика, через которую познается реальность, определяется мера допустимости, приемлемости, ценности любого феномена или события.

Для цитирования в научных исследованиях

Семенович А.В. Судебный процесс как способ миропонимания в контексте постнеклассического типа мышления: эстетические аспекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 178-190.

Ключевые слова

Постнеклассика, процесс, процессуальность, множественность, игра, судебный процесс, эстетика, миропонимание, истина.

Введение

Современная культурная ситуация и тип мышления, претендующий в настоящее время на доминирование, обозначается многими мыслителями понятием «постнеклассика». Данное понятие введено В.С. Степиным для обозначения современного типа научной рациональности, который является альтернативой и одновременно результатом развития иных типов научной рациональности: классики и неклассики. Однако, предложенное В.С. Степиным различие «оказалось актуальным не только для осмысления научной рациональности, но и применительно к другим областям культуры и модусам человеческого бытия» [Краснопольская, 2011, 12].

В частности, такое различие используется в философско-эстетическом дискурсе. Так, В.В. Бычков определяет: «В целом современная эстетика как наука, охватывающая все пространство эстетического опыта и сознания, может быть представлена состоящей из трех взаимоотрицающих и одновременно взаимостимулирующих, взаимодополняющих областей: классической эстетики, неклассики и виртуалистики, в комплексе и составляющих современную постнеклассическую эстетику» [Бычков, 2008, www]. Применительно к эстетике постнеклассика – это этап, который, как говорит В.В. Бычков, начался пока еще имплицитно. Однако, уже сейчас имеются основания рассматривать постнеклассику в качестве формы, которая в перспективе способна объединить в себе самые разные феномены и создать единую картину мира. «Постнеклассика как минимум полицентричная структура, не исключаяющая из своего пространства противоречивые феномены. Если для классики объект противопоставлен среде, проявляется на фоне среды, отделим от хаоса, мир обводится осязаемыми границами, четко обозначается предмет исследования, то для постнеклассики значим процесс» [Краснопольская, 2011, 39]. В рамках такого подхода реальность рассматривается не как законченная и оформленная какими-либо границами целостность, а как постоянно движущаяся изменчивая непрерывность. Для описания и характеристики современной реальности используются такие категории как: процесс, процессуальность, изменчивость, множественность, поливариантность, вероятность, относительность, игра.

Философские теории, основанные на постнеклассическом типе мышления, описывают процессуальный становящийся мир, проявляющий себя в разного рода множественностях, и предлагают новые способы познания.

Так, А. Уайтхед утверждает, что вся реальность состоит из процессов. Н.С. Юлина, анализируя философскую концепцию А. Уайтхеда, обращает внимание на то, что смысл понятия «процесс» у А. Уайтхеда заключается «не только в признании движения и развития; это понятие имеет панпсихический оттенок и означает, что реальность состоит из бесконечного числа воспринимающих (чувствующих) сущностей, которым присуще творчество и стремление к осуществлению определенных целей» [Радеев, 2013, 8]. Реальность, согласно теории А. Уайтхеда, не разделена на физическое и психическое, понятие процесса не только описывает происходящие в разных областях бытия последовательные изменения, но и рассматривается как основная характеристика нашего опыта, через который познается реальность.

Ж. Дилёз и Ф. Гваттари, описывая современную реальность, приходят к выводу об одновременном сосуществовании двух моделей мира: культуры ризомы и культуры корня (или дерева). «Одна (модель дерева) действует подобно трансцендентной модели и кальке, даже если она порождает свои собственные ускользания; другая (модель ризомы) действует как имманентный процесс, опрокидывающий модель и намечающий карту, даже если она конституирует свои собственные иерархии, даже если она создает деспотический канал <...> Речь идет о модели, которая не перестает продолжаться, развиваться и возобновляться» [Делез, Гваттари, 2010, 36]. Культура корня упорядочивает мир и позволяет человеку жить в структурированном пространстве со своими ценностями, авторитетами, границами. Культура ризомы позволяет сосуществовать множеству различных интерпретаций реальности, ни одна из которых не является конечной или абсолютной, а человек в связи с этим живет в динамичном изменчивом хаотичном мире.

З. Бауман в своей работе «Текущая современность» [Бауман, 2008], характеризуя современность, использует метафоры «текучесть», «легкость» и противопоставляет ей прежнюю эпоху «тяжелой» современности. Ученый отмечает, что в эпоху «тяжелой» современности ценность представляли власть, богатство, территориальные завоевания. В эпоху «текучей» или «легкой» современности ценность приобрели подвижность, возможность мгновенного действия. Вследствие этого изменяется формат социальных институций (работа, брак, семья и т. п.), которые из устойчивых структур, обеспечивающих стабильность, безопасность, определенность, трансформируются в мимолетные, неустойчивые, ориентирующиеся на удовлетворение мгновенных потребностей. Современная реальность представляет собой пространство, находящееся в постоянном процессе изменения, в котором сосуществует множество различных авторитетов и ценностей.

М. Фуко в рамках, разработанной им концепции «игр истины» приходит к процессуальному пониманию категории истины. Процесс познания рассматривается не как направленное движение к одной единственной истине, но как «процессуальность движения истины, самодостаточной в своей плюральности и не результирующей в истине как финальной вели-

чине» [Можейко, 2001, 295]. М. Фуко делает вывод, что место истины, представляющейся в традиционном смысле результатом познавательной деятельности, занимают «игры истины как плюральной процессуальности производства знаний» [Краснопольская, 2011, 295].

А.Е. Радеев говорит о глобальном повороте к множественности. «Суть этого поворота можно выразить так: мы занимаемся самообманом, когда пытаемся мыслить в категориях единства. Существует не субъект, а различные практики субъективации; существует не объект, а различные маски виртуального; существует не действие, а различные линии ускользания» [Радеев, 2013, 109].

Таким образом, в условиях современности «наше сознание существует во множественности (актуальных и возможных) миров, в постоянном «хронотопическом» измерении» [Орлова, 1998, 112]. Неизбежным следствием существования сознания в условиях множественности, противоречивости и нестабильности является продуцирование хаоса и возникновение угрозы уничтожения самого существования.

Между тем, как отмечает А.П. Краснопольская: «ценностью постнеклассики становится переход в нейтральное поле созерцания хаоса как субстрата, в котором возможно отношение к хаосу не как к тому, что требует негации, а как к неоднозначной сфере множественности. Эта множественность может быть понята как процессуальная целостность, конгломерат разрозненных элементов, создающих единство. Так осмысляемый хаос приобретает черты потенциального, но неизвестного. Он не несет в себе только негативные черты, так как появляется сама идея того, что из него можно выхватить позитивное» [Краснопольская, 2011, 38].

Идея обнаружения позитивного в хаосе, продуцируемом множественностью и противоречивостью существования сознания, представляется достаточно актуальной и изящной. Однако, в связи с этим возникает вопрос о том, каким образом, в каких именно формах, видах деятельности или практики может быть обнаружено, «выхвачено» позитивное из хаоса утвердившейся в поле постнеклассических концепций множественности, нестабильности и процессуальности.

Для решения обозначенного вопроса, представляется возможным обратить внимание на практику, которая одновременно с ростом доминирования постнеклассического типа мышления приобретает все большую актуальность в современном обществе. Такой практикой является судебный процесс, органично включающий в себя и основывающийся на характерных для постнеклассики принципах процессуальности, изменчивости, множественности, вероятности, относительности, игры.

Судебный процесс как способ миропонимания

Актуальность судебного процесса как юридической процедуры является очевидной, не требующей специальных доказательств. Достаточно обратить внимание на тот факт, что в том или ином виде судебный процесс как юридическая процедура существовал и существует во всех известных истории человеческих цивилизациях.

Однако, мы полагаем необходимым рассмотреть судебный процесс в более широком смысле, в качестве разновидности одной из ключевых категорий философского дискурса – процесса. Данная категория характеризует «совокупность необратимых, взаимосвязанных, длительных изменений, как спонтанных, так и управляемых, как самоорганизованных, так и организуемых, результатом которых является некое новшество или нововведение (новые морфологические формы организмов, новые разновидности, социальные, научные, культурные и пр. инновации)» [15, 378]. При таком подходе актуальными становятся такие, присущие судебному процессу, как и любому иному процессу, признаки, как текучесть, длительность, изменчивость, непредсказуемость, множественность вариантов развития. Обозначенные признаки позволяют рассматривать судебный процесс в качестве феномена, выходящего за рамки исключительно юридического восприятия, и проявляющегося в самых разных состояниях, переживаниях, измерениях, способах, модусах бытия.

Актуальность практики судебного процесса в условиях доминирования постнеклассических концепций мышления определяется не только все возрастающим количеством судебных дел и постоянным расширением сферы судебного регулирования, но и значительной востребованностью ритуальности и образности судебного процесса в общественном сознании как на уровне массовой культуры и самых одиозных современных арт-практик, так и на уровне достаточно серьезных художественных произведений. Причина такого широкого и многомерного применения практики судебного процесса, на наш взгляд, заключается в том, что судебный процесс – это, возможно, одна из немногих форм деятельности, для реализации которой характерны для постнеклассики категории процессуальности, изменчивости, множественности, вероятности, относительности, игры, не представляются отягощением, но напротив, являются необходимыми условиями такой деятельности и её эффективности.

Так, процессуальность и изменчивость, по сути, являются ключевыми характеристиками судебного процесса, определяющими его содержание и все иные его свойства. На данное обстоятельство указывает уже само словосочетание «судебный процесс», содержание в себе явную констатацию органической взаимосвязи данной практики с категорией процессуальности. Основополагающее значение для практики судебного процесса категорий процессуальности и изменчивости выражается в наличии специфических кодифицированных правил ведения судебного процесса, закрепленных в специальных законах – процессуальных судебных кодексах. Совокупность закрепленных в них норм показывает, что судебный процесс – это последовательность действий, процедур, стадий, таких как: предварительное слушание дела, пояснения по делу сторон судебного разбирательства, допрос свидетелей, исследование доказательств, прения сторон, оглашение судебного решения, обжалование судебного акта, апелляционное и кассационное судебное разбирательство. Каждая из обозначенных стадий находится во взаимосвязи со всеми иными стадиями и предполагает возможность существенных изменений первоначального состояния, что может выражаться как в переходе к следующей стадии, так и в возврате к предыдущей.

Вероятность и относительность применительно к судебному процессу выражаются в отсутствии однозначности и предопределенности в исходе судебного разбирательства, а также в наличии возможности обжалования и отмены судебного решения. Законы, определяющие порядок ведения судебного процесса, устанавливают основное правило оценки доказательств судом – по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. При этом никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

Множественность, поливариантность и игра в судебном процессе проявляются в противоположности и антагонистичности позиций сторон судебного разбирательства, в многообразии сценариев его развития. Непосредственно игровой характер судебного процесса проявляется в специфической судебно-ритуальной театрализованности, основанной на использовании специальных символов (флаг, герб, судебная мантия), фраз («встать, суд идет»), обязательности выполнении определенных действий (например – обязанность давать пояснения стоя).

Данным категориям соответствуют общепризнанные принципы равноправия сторон, состязательности, диспозитивности, а также происходящая в настоящее время в юридической теории трансформация понимания принципа объективной истины судебного процесса. Необходимо констатировать, что современное законодательство, регламентирующее порядок ведения судебного процесса, фактически уклонилось от стремления к достижению соответствия судебного решения объективной истине. На данное обстоятельство, в частности, обращает внимание А.Ф. Воронов в своей работе «Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее» [Воронов, 2009]. Такое уклонение связано с осознанием юридической наукой недостижимости объективной истины вообще, и в судебном процессе в частности. При этом, в целях исключения или минимизации рисков судебной ошибки, закон предусматривает возможность ее исправления в апелляционном, кассационном, надзорном порядке. В ряде работ современных ученых-правоведов наблюдается фактическое признание того, что наиболее актуальной целью судебного процесса может быть достижение только относительной, но не объективной истины. Например, К.В. Бубон отмечает: «... никакая – даже самая совершенная – судебная процедура не гарантирует достижения истины, что бы ни понимали под этим словом ученые-правоведы или философы» [Бубон, 2012, 10]. В.З. Гуцин констатирует: «Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве в последние годы получил свое дальнейшее законодательное развитие, а положение об обязанности суда установить истину в каждом деле прямо в нормах закона перестало упоминаться. Это обстоятельство некоторые судьи и теоретики восприняли как полное переложение на стороны забот о собирании и представлении доказательств и освобождении суда от поисков истины» [Гуцин, 2011, 108]. Действительно, участник судебного процесса, как правило, стремится к достижению и познанию

истины судом только до тех пор, пока это ему выгодно, до тех пор, пока это соответствует его интересам или хотя бы не противоречит им. «Деятельность сторон гражданского процесса в сфере доказывания имеет целью вовсе не установление «истины», а утверждение собственной версии (собственной позиции по фактическим обстоятельствам дела) в качестве основы для будущего судебного акта» [Бубон, 2012, 14].

Приведенные позиции ученых-правоведов поразительным образом сочетаются с концепцией игр истины М. Фуко. Судебный процесс фактически и является очевидным примером практической реализации данной концепции. Многомерность и поливариантность судебного процесса предполагают допустимость применения практики судебного процесса для выяснения сущности и ценности любого феномена бытия, что согласуется с концепцией А. Уайтхеда, пришедшего к выводу о необходимости рассмотрения процесса в качестве основной характеристики нашего опыта, через который познается реальность.

Таким образом, можно заключить, что судебный процесс является специфическим характерным для постнеклассического типа мышления способом миропонимания. Справедливость такого вывода подтверждается тем фактом, что образ или метод судебного процесса достаточно часто используется философами, мыслителями, писателями, художниками именно для описания и осмысления реальности.

Очевидным примером такого подхода в литературе является известное произведение Ф. Кафки «Процесс». М. Брод, благодаря которому этот роман был опубликован, определил необходимость понимания данного произведения следующим образом: «Процесс, который здесь ведется, это тот вечный процесс, который всякому тонко чувствующему человеку приходится всю жизнь вести против своей совести. Герой, К., держит ответ перед своим внутренним судьей. Это прозрачное судопроизводство совершается в самых невзрачных местах, причем так, что кажущаяся правота всегда на стороне К. Точно так же и мы «правы» в спорах с нашей совестью и стараемся преуменьшить значение того, что она нам говорит» [цит. по: Ноткин, 2017, 301]. Такое понимание романа «Процесс» находит свое развитие и у М. Бланшо: «Процесс имеет, по крайней мере, то преимущество, что позволяет К. узнать, как в действительности обстоят дела, рассеять иллюзию, обманные утешения, которые, в силу того, что у него была хорошая работа и несколько незначительных удовольствий, позволили ему верить, что он существует, существует как человек мира» [Бланшо, 1998, 114].

В философии судебный процесс как метод выражения идей использован Л. Шестовым. На такую особенность философского стиля Л. Шестова обращал внимание А.В. Ахутин, который отмечал, что история философии в шестовском понимании – «это судебный процесс, слушание дела о человеке, свободе и Боге» [Ахутин, 1993, 409]. Аналогичные определения в отношении творчества Л. Шестова имеются и у Н.А. Бердяева: «Л. Шестов борется против суда и суждения. Суд, оценка порождены грехопадением. Но сам он принужден судить. Он все время судит, судит разум, добро». [Бердяев, 1929, 92]. Н.К. Бонецкая предлагает рассматривать философию Л. Шестова как судебный процесс, в котором все рассуждения фило-

софа – это «сменяющие друг друга речи «защиты» и «обвинения» [5]. При этом, Бонецкая Н. К. Отмечает, что в философском судебном процессе Л. Шестов выполняет роль адвоката. «Как и положено, он защищает злодеев, преступников закона, причем цель шестовской защиты не смягчение приговора, а полное оправдание и возведение «подсудимого» в героический ранг» [Бонецкая, 2014, www].

Использование пространства и ритуальности судебного процесса имеет место и в современных арт-практиках. Примером тому является известная одиозная акция художника П. Павленского «Угроза», переросшая в судебное разбирательство по обвинению художника в совершении преступления, предусмотренного ст. 243 Уголовного кодекса РФ «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия или культурных ценностей». Оказавшись в пространстве судебного процесса, художником был объявлен так называемый «регламент молчания», суть которого он сам объясняет следующим образом: «Суд весь построен по регламентам. Я объявляю регламент молчания в суде, и это начинает действовать на судью. Все вместе действовать – и дело, и позиция, потому что это уже не повседневный конвейер судопроизводства. Беспокойство заставляет судью думать. Полиция во время акций тоже вынуждена думать. Они каждый раз сталкиваются с ситуациями, которые нетипичны для полномочий» [Павленский, 2016, 51]. В итоге данный судебный процесс фактически трансформировался из юридической процедуры в акцию художника в реалити-шоу. Действительное значение при этом стал иметь не материально-правовой результат процесса, не приговор по делу, а эстетическое содержание и ценность образов, созданных в ходе такой акции.

Использование образа судебного процесса характерно и для религиозных практик. В древности примером такого использования являлись религиозные представления египтян о суде бога Осириса, через который должна пройти душа каждого человека в загробном мире. В христианской традиции образ судебного процесса находит свое воплощение в идее Страшного Суда.

Такое поливариантное использование образности судебного процесса свидетельствует, по всей видимости, о наличии некой подсознательной экзистенциальной потребности человека не просто формулировать и выражать свои мысли, но получать оценки своих мыслей, вступать в дискуссии, споры, доказывать преимущество одних мыслей над другими. Реализация этой потребности создает специфическое чувственное эмоциональное поле, которое выражается в судебном процессе через переживание его участниками самых разных ощущений, состояний, создающих эстетические образы (метафоры) окружающей действительности. В результате, представляется возможным говорить о весьма специфической и пока ещё неосмысленной эстетике – эстетике судебного процесса. Эта эстетика, скорее всего, является неочевидной, имплицитной, многозначной, тонкой или, как говорят некоторые современные мыслители (В. Ерофеев, В.И. Подорога, В.А. Пузько), «мерцающей». Метафора мерцания, возможно, наиболее адекватно выражает особенности эстетического восприятия человеком пространства и движения судебного процесса и существования внутри него. Та-

кая метафора выражает достаточно сложные экзистенциальные состояния и исключительно личные сложно передаваемые переживания, возникающие у человека при его соприкосновении с судебным процессом, тем более в связи с участием в нем. Эстетика судебного процесса проявляется, скорее всего, не прямолинейно, а во всевозможных областях контекстов, выходящих за рамки собственно юридического толкования. Такие контексты могут не иметь непосредственного отношения к практическим утилитарным целям и задачам судебного процесса. Однако, именно внутри них возникают специфические образы, состояния, модусы выражения эстетической составляющей судебного процесса, каждый из которых предполагает свою собственную осмысленность и выразительность.

Предлагаемый нами подход, полагаем, вполне соответствует происходящему в настоящее время «эстетическому повороту», суть которого заключается в том, что эстетическое все более распространяется на те сферы, которые в рамках классической традиции не связывались с эстетикой, например: реклама, спорт, политика, право. Л.М. Гаврилина отмечает: «Там, где есть реакция на форму, на основе которой возникает игра духовных сил, берёт начало эстетическая идея, – там, вероятно, можно говорить об эстетическом модусе того или иного явления или вида деятельности...» [Гаврилина, 2014, 282].

Заключение

На основании приведенных рассуждений можно заключить, что судебный процесс является специфическим характерным для постнеклассического типа мышления способом миропонимания. В таком случае актуализированные постнеклассическим мышлением категории современной реальности (множественность, процессуальность, изменчивость, вероятность, игра и т. п.) приобретают некую общую осмысленность и упорядоченность. Граница между наблюдателем и участником в пространстве судебного процесса не является жесткой, т. к. в ходе движения процесса в зависимости от его стадий участник и наблюдатель могут меняться местами. В связи с этим становится реальным переход в нейтральное поле созерцания всего происходящего.

В итоге, помимо продуцирования хаоса появляется действительно нечто позитивное и ценное. Судебный процесс не просто включает в себя и упорядочивает противоречивые категории постнеклассики, но и позволяет достичь разрешения противоречий, что выражается в самой возможности вынесения судебного решения. Более того, структура и процедурность судебного процесса позволяют определить меру допустимости, приемлемости, ценности любого феномена или события, оказывающихся в предметном поле судебного исследования. При этом, такое определение меры возможно и в форме официального текста судебного решения, и в форме определения любым лицом, соприкоснувшимся с судебным процессом, собственной экзистенциальной оценки, которая, как правило, выходит далеко за рамки юридического толкования и содержит в себе многочисленные эстетические аспекты.

Библиография

1. Ахутин А.В. Преамбула к примечаниям // Шестов Л. Сочинения: в 2 тт. Т. 2. М., 1993. С. 409.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб: Питер, 2008. 240 с.
3. Бердяев Н.А. Древо жизни и древо познания // Путь. 1929. № 18. С. 88-106.
4. Бланшо М. От Кафки к Кафке. М., 1998. 237 с.
5. Бонецкая Н.К. Адвокат дьявола (герменевтика Л. Шестова) // Вопросы философии. 2014. №9. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1010&Itemid=44
6. Бубон К.В. К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей // Адвокат. 2012. № 5. С. 21-26.
7. Бычков В.В. Постнеклассическая эстетика: К вопросу о формировании современного эстетического знания // Интелрос. 2008. № 1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5388-postneklassicheskaya-yestetika-k-voprosu-o-formirovanii-sovremennogo-yesteticheskogo-znaniya.html
8. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец, 2009. 494 с.
9. Гаврилина Л.М. «Эстетический поворот» конца XX века: рецепция кантовских идей // XI Кантовские чтения: Кантовский проект просвещения сегодня. Калининград, 2014. С. 280-283.
10. Гуцин В.З. Принцип объективной истины в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2011. № 10. С. 107-112.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
12. Краснопольская А.П. Проблемы свободы: классические и современные концепции // Герасимова И.А. (ред.) Свобода и творчество (междисциплинарные исследования). М.: Альфа-М, 2011. С. 13-52.
13. Можейко М.А. Игры истины // Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 295.
14. Ноткин Г. Примечания // Кафка Ф. Процесс. СПб.: Пальмира, 2017. С. 290-310.
15. Огурцов А.П. Процесс // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 378.
16. Орлова Э.А. Социальная и культурная антропология. М., 1998. 480 с.
17. Павленский П. О русском акционизме. М.: АСТ, 2016. 304 с.
18. Радеев А.Е. Поворот к множественности в эстетике и проблема чувственности // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 3. С. 108-116.
19. Юлина Н.С. Организмическая теория бытия Уайтхеда. «Бог» как процесс и творчество // Проблема метафизики в американской философии XX века. М., 1978. С. 84-116.

The judicial process as a way of world understanding in the post-non-classical thinking: aesthetic aspects

Aleksandr V. Semenovich

Postgraduate,
Institute of arts and arts education,
Vladimir State University,
600000, 87 Gor'kogo st., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: a_semenovich76@mail.ru

Abstract

The author considers the judicial process in the context of the post-non-classical type of thinking. The modern reality determines the relevance of the judicial process. The judicial process must be regarded like one of the most important categories of philosophical discourse that is process. The judicial process has categories, which are characterized for post-non-classic such as procedurality, variability, multiplicity, probability, relativity, the game. It is possible to present the judicial process as the practice that allows the ordering chaos of multiplicity and variability, which are ordinary for modernity. The author makes analogies between the philosophical concepts by M. Foucault, A. Whitehead and the properties of the judicial process. The urgency of the judicial process presenting as a way of understanding the world is determined. The author considers as examples of the way of understanding the world through image of the judicial process in F. Kafka's novel *Der Process*, philosophical method of L. Shestov, P. Pavlenskiy art act, the ancient Egyptian and Christian religious beliefs. The judicial process has a specific sensory emotional field. The judicial processes participants exist through different feelings, emotions that create specific images (metaphors) of the surrounding reality, through which the aesthetic appears. It is noted that the judicial process review like an aesthetic practice is relevant. The judicial process is a practice through which reality discovers the measure of validity, acceptability, and values of any phenomenon or event are determined.

For citation

Semenovich A.V. (2017) Sudebnyi protsess kak sposob miroponimaniya v kontekste post-neklassicheskogo tipa myshleniya: esteticheskie aspekty [The judicial process as a way of world understanding in the post-non-classical thinking: aesthetic aspects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (3A), pp. 178-190.

Keywords

Post-non-classic, process, procedurality, multiplicity, game, judicial process, aesthetics, world outlook, truth.

References

1. Akhutin A.V. (1993) Preambula k primechaniyam [Preamble to the notes]. In: Shestov L. *Sochineniya: v 2 tt.* [Works: in 2 vols], vol. 2. Moscow, p. 409.
2. Bauman Z. (2007) *Liquid times: living in an age of uncertainty*. Polity Press (Russ. ed.: Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'*. Saint Petersburg: Piter Publ.).
3. Berdyaev N.A. (1929) Drevo zhizni i drevo poznaniya [Tree of life and the tree of knowledge]. *Put'* [Way], 18, pp. 88-106.
4. Blanchot M. (1981) *De Kafka à Kafka*. Gallimard (Russ. ed.: Blanchot M. (1998) *Ot Kafki k Kafke*. Moscow).
5. Bonetskaya N.K. (2014) Advokat d'yavola (germenevtika L. Shestova) [Devil's Advocate (L. Shestov's hermeneutics)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 9. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1010&Itemid=44 [Accessed 13/01/2017].
6. Bubon K.V. (2012) K voprosu o pravovoi kategorii "istina" v grazhdanskom i ugolovnom protsesse i ee meste v ryadu pravovykh tsennostei [To the question of the "truth" category in the civil and criminal process and its place in a number of legal values]. *Advokat* [Advocate], 5, pp. 21-26.
7. Bychkov V.V. (2008) Postneklassicheskaya estetika: K voprosu o formirovanii sovremennogo esteticheskogo znaniya [Post-classical aesthetics: on the formation of contemporary aesthetic knowledge]. *Intelros*, 1. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5388-postneklassicheskaya-yestetika-k-voprosu-o-formirovanii-sovremennogo-yesteticheskogo-znaniya.html [Accessed 13/01/2017].
8. Deleuze J., Guattari F. (1980) *Mille plateaux*. Les Éditions de Minuit (Russ. ed.: Deleuze J., Guattari F. (2010) *Tsyachya plato: kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ; Moscow: Astrel' Publ.).
9. Gavrilina L.M. (2014) "Esteticheskii povorot" kontsa XX veka: retseptsiya kantovskikh idei ["Aesthetic twist" of the late twentieth century: reception of Kantian ideas]. In: *XI Kantovskie chteniya: Kantovskii proekt prosveshcheniya segodnya* [XI Kant's readings: Kant's enlightenment project today]. Kaliningrad, pp. 280-283.
10. Gushchin V.Z. (2011) Printsip ob"ektivnoi istiny v grazhdanskom sudoproizvodstve [The principle of objective truth in civil proceedings]. *Sovremennoe pravo* [Contemporary law], 10, pp. 107-112.
11. Krasnopol'skaya A.P. (2011) Problemy svobody: klassicheskie i sovremennye kontseptsii [Problems of freedom: classical and modern concepts]. In: Gerasimova I.A. (ed.) *Svoboda i*

- tvorchestvo (mezhdistsiplinarye issledovaniya)* [Problems of freedom: classical and modern concepts]. Moscow: Al'fa-M Publ, pp. 13-52.
12. Mozheiko M.A. (2011) Igry istiny [The games of truth]. In: Gritsanov A.A., Mozheiko M.A. *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis Publ.; Knizhnyi Dom Publ., pp. 295.
 13. Notkin G. (2017) Primechaniya [Notes]. In: Kafka F. *Protsess* [Process]. Saint Petersburg: Pal'mira Publ., pp. 290-310.
 14. Ogurtsov A.P. (378) Protsess [Process]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 tt.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols.], vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., p. 378.
 15. Orlova E.A. (1998) *Sotsial'naya i kul'turnaya antropologiya* [Social and cultural anthropology]. Moscow.
 16. Pavlenskii P. (2016) *O russkom aktsionizme* [About Russian actionism]. Moscow: AST Publ.
 17. Radeev A.E. (2013) Povорот k mnozhestvennosti v estetike i problema chuvstvennosti [Turn to multiplicity in aesthetics and the problem of sensuality]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad state university], 3, pp. 108-116.
 18. Voronov A.F. (2009) *Printsiipy grazhdanskogo protsessa: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Principles of civil process: past, present, future]. Moscow: Gorodets Publ.
 19. Yulina N.S. (1978) Organizmicheskaya teoriya bytiya Uaitkheda. "Bog" kak protsess i tvorchestvo [The organic theory of the existence of Whitehead. "God" as a process and creativity]. In: *Problema metafiziki v amerikanskoi filosofii XX veka* [The problem of metaphysics in American philosophy of the twentieth century]. Moscow, pp. 84-116.